
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ

ЗАТЯНУВШИЙСЯ ЭКСПЕРИМЕНТ (к 30-летию падения Берлинской стены)

Миропорядок, установившийся после Ялты и Потсдама, обусловил переделку политических режимов и социально-экономического строя стран Центрально- и Юго-Восточной Европы в соответствии с предустановленными «закономерностями социалистического строительства» и по образцу советской модели. По мере ритмичных спадов мировой экономики все отчетливее проявлялись недостатки административно-командной системы и углублялись противоречия в развитии этих стран, вплоть до серии глубочайших и острейших политических и экономических конфликтов. Попытки регулировать противоречия силовыми методами в 1950-е гг., в период Пражской весны, а также в 1970–1980-е гг. в соответствии с «доктриной ограниченного суверенитета» (так называемой «доктриной Брежнева») привели в итоге в конце 1980-х гг. к распаду социалистического лагеря и самого социалистического содружества, к ликвидации Совета экономической взаимопомощи.

Ключевые слова: *Ялта, опыт форсированного социалистического строительства, СЭВ, административно-командная система, противоречия, кризисы, «доктрина Брежнева», падение Берлинской стены.*

Послевоенное восстановление стран народной демократии, еще не переименованных в страны социалистического лагеря, началось на повышательной волне четвертого кондратьевского цикла, когда мировая экономика находилась на подъеме (Пантин, Лапкин 2006: 280–287). В январе 1949 г. в Москве на совещании представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии «в целях осуществления более широкого экономического сотрудничества между странами народной демократии и СССР» было решено создать в противовес плану Маршалла Совет экономической взаи-

мопомощи (СЭВ). В основе этого решения лежала идеологическая установка внедрения в механизмы функционирования этого геостратегического образования закономерностей социалистического строительства, которое осуществлялось методом монтирования административно-командной системы. В состав СЭВ вошли 10 стран.

При подведении 25 февраля 1956 г. на XX съезде КПСС итогов первого послевоенного десятилетия невозможно было обойти ни целый комплекс требовавших анализа и оценки ключевых проблем жизни страны, ни международный контекст, и в том числе далекую от прозрачности и стабильности ситуацию в этом уже «социалистическом» лагере. Новизна трактовки данной проблемы в докладе Н. С. Хрущева заключалась в декларативной формуле: Советский Союз немало сделал для реального укрепления суверенитета, самостоятельности социалистических стран. Более того, говорилось о возможности новых форм перехода к социализму, отличных от советских. Это была смелая заявка «на вырост», реализуемость которой только еще предстояло доказать на практике. Практика же на тот момент демонстрировала циклические провалы функционирования по единой матрице административно-командной системы.

Хрущев отнюдь не торопился отпускать эти страны в «самостоятельное плавание», отказываться от сталинских методов прямого давления во имя сохранения «устоев социализма». XX съезд КПСС был призван обеспечить сохранение советской модели общественного устройства в рамках всей мировой социалистической системы. Канонический курс подтверждался решениями съездов и пленумов коммунистических партий и с большими или меньшими усилиями воплощался в жизнь. Партийно-государственные отношения поддерживались методами постоянных политических консультаций и неусыпного контроля, взаимодействием на полигонах Варшавского договора и площадках Совета экономической взаимопомощи.

Реакция на обнародование в докладе Н. С. Хрущева правды о культе личности Сталина и его последствиях, на обнажение противоречий стимулировала проявление социально-политических кризисов в Польше и Венгрии, подъем деструктивных настроений в общественной дискуссии и политических кругах других соцстран.

Проявления роста самостоятельности братских партий были оценены Хрущевым как рост антисоветизма. После смерти в Москве во время XX съезда КПСС польского лидера Б. Берута Хрущев взял курс на прямой контроль над руководством Польской объединенной рабочей партией (ПОРП), а узнав, что она собирается выдвинуть на руководящий пост выпущенного из заключения (обвинявшегося в «правонационалистическом уклоне») В. Гомулку, потребовал приезда польского руководства в Москву. Ввиду отказа последнего он распорядился отложить польский пленум, привести в боевую готовность танки и Балтийский флот, а 18 октября вылетел в сопровождении ближайшего окружения в Варшаву, известив об этом руководство Чехословакии, ГДР и Китая. Советские танки взяли курс на польскую столицу.

ЦК ПОРП срочно собрал пленум и кооптировал Гомулку в свой состав, легитимизировал его позицию в руководстве партии. Спускаясь с борта самолета, Хрущев яростно показал кулак польским руководителям и демонстративно направился к группе встречавших его советских генералов. От поляков он услышал, что они не будут отменять пленум, считая это своим внутренним делом: они не делают ничего, что угрожало бы интересам союзников, особенно СССР. По информации самого Хрущева, он пригрозил им интервенцией – а советские дивизии уже были на марше. Часть членов ЦК ПОРП не ночевала дома, опасаясь арестов. 19 октября в ходе ночных горячих бесед советская делегация добивалась возврата к коминтерновской традиции назначения руководства партий из Москвы. Поляки со своей стороны припомнили В. М. Молотову о советской характеристике Польши как «уродливого детища Версальской системы»¹, о пакте Молотова – Риббентропа, репрессировании кадров КПП и Катынском расстреле. Хрущев то отрицал эти факты, то сваливал всю вину за них на Сталина. Польские лидеры

¹ В свое время, в критический момент мировой истории в начале Второй мировой войны, в докладе Молотова – в тот период Председателя Совнаркома СССР, члена Политбюро Президиума ЦК ВКП(б), Наркома иностранных дел СССР – о внешней политике правительства СССР было сказано: «...оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...» (Молотов 1939: 7).

добивались остановки движения танков на Варшаву. Тон непримиримой конфронтации удалось преодолеть с трудом. Позднее выяснилось, что решающую роль сыграла позиция китайского руководства, опротестовавшего это «излишнее вмешательство». Н. С. Хрущеву пришлось вернуть войска на базы.

Именно тогда, на VIII пленуме ЦК ПОРП в октябре 1956 г., прозвучала открытая критика политической системы социалистического лагеря и межпартийных отношений в нем. В. Гомулка публично охарактеризовал ее как единую пирамиду культов личности во главе с культом личности Сталина: «Сущность этой системы заключалась в том, что была создана иерархическая лестница культов. Каждый такой культ охватывал известную территорию, на которой он действовал. В блоке социалистических государств на вершине этой иерархической лестницы стоял Сталин. Перед ним склоняли головы все занимавшие низшие ступени лестницы, но также и руководители коммунистических и рабочих партий стран социалистического лагеря. Последние, то есть первые секретари центральных комитетов партий отдельных стран, занимали вторую ступень лестницы культов личности. <...> А поскольку “единственным безошибочным интерпретатором марксистской науки и человеком, который правильно ее развивает и обогащает, указывает единственно правильный путь к социализму”, является Сталин, то, следовательно, все, что не соответствует его мыслям и указаниям, является вредным, влечет за собой отступление от марксизма-ленинизма, является ересью и грозит “неприятными последствиями”» (Гомулка 1956: 38–39, 40). Каковы они, он познал на собственном опыте.

И если в Польше летние события 1956 г. обошлись без введения войск союзников (хотя такая угроза существовала), а число жертв составило всего 38 человек, то в Венгрию в октябре – ноябре того же года «для восстановления порядка» пришлось вводить и задействовать войска дважды, а число жертв превысило 2,5 тыс. убитых и 1540 раненых венгров, а также 720 военнослужащих Советской Армии (Центрально-Восточная... 2000: 337).

В связи с венгерскими событиями 1956 г. ситуация потребовала корректировки отношений СССР с соцстранами. Датированная 30 октября 1956 г. «Декларация Правительства Союза ССР об ос-

новах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами» провозглашала, что их взаимоотношения будут строиться на принципах равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, а также невмешательства во внутренние дела друг друга. Признавалось, что в процессе становления нового строя и глубоких революционных преобразований общественных отношений было немало трудностей, нерешенных задач и прямых ошибок, в том числе и во взаимоотношениях между этими странами. Подчеркивалось, что XX съезд КПСС со всей решительностью осудил эти нарушения и ошибки, поставив задачу последовательного осуществления в отношениях с другими соцстранами ленинских принципов равноправия народов. Декларация провозглашала необходимость «тщательного учета исторического прошлого и особенностей каждой страны», то есть формулировала принципы адекватной исторической политики. Решения XX съезда объявлялись создающими условия «для дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между соцстранами на незыблемой основе соблюдения полного суверенитета каждого социалистического государства» (Декларация... 1981). Введенные в ночь на 24 октября в Будапешт советские войска 30 октября по требованию Имре Надя были выведены в места дислокации.

Однако в связи с обострением международной обстановки венгерский вопрос на следующий день был вынесен на Президиум ЦК КПСС. Н. С. Хрущев предложил пересмотреть оценку, войска из Венгрии и Будапешта не выводить и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии. Если уйти из Венгрии, полагал он, это подбодрит империалистов, они воспримут случившееся как слабость советского руководства и будут наступать. Было принято решение создать «революционное рабоче-крестьянское правительство» во главе с Я. Кадаром и провести военную операцию по свержению правительства И. Надя. 1–3 ноября в поддержку проведения военной операции в Венгрии высказались представители правительств ГДР, Чехословакии, Болгарии и делегация ЦК КПК. 1 ноября советские руководители встретились в Польше с польским и восточногерманским, а в Румынии – с румынским, чехосло-

вацким и болгарским руководством. 2 ноября делегация вылетела в Югославию. Руководители всех государств, в том числе Польши, Югославии, Китая, которые поначалу приветствовали венгерские события, сошлись во мнении, что строй в Венгрии можно спасти лишь путем вооруженного вмешательства. Было принято решение провести полномасштабную операцию «Вихрь», план которой был разработан под руководством министра обороны СССР Г. К. Жукова. После того как 2 ноября было сформировано многопартийное правительство Венгрии, утром 4 ноября операция началась. Всего в ней участвовало 15 танковых, механизированных, стрелковых и авиадивизий, 7-я и 31-я воздушно-десантные дивизии, железнодорожная бригада общей численностью более 60 тыс. человек. На их вооружении имелось свыше 3000 танков, в основном современные Т-54 (Чередникова 2016).

Проявление самостоятельности «братских партий» было воспринято Хрущевым как рост антисоветизма. Он не собирался терять контроль над этими странами.

Для ГДР и Чехословакии вынужденная «повторная индустриализация» и демонтаж промышленности с переориентацией на «военку» были чреваты не только торможением развития, но и существенными социально-экономическими потерями. В ГДР массовые протестные выступления по этому поводу неоднократно повторялись в 1950-е гг. В Чехословакии ускоренная модернизация экономики по советскому образцу, сопровождавшаяся волюнтаристской ломкой традиционной структуры высокоразвитой промышленности с переориентацией ее на тяжелую, особенно на ВПК, а также на директивную помощь другим государствам содружества, привела к стагнации жизненного уровня населения и росту социальной напряженности вплоть до открытых выступлений рабочих. Такие выступления подавлялись силами воинских подразделений и милиции. Противоречия «реального социализма» углублялись, перерастая в хронический кризис.

В начале 1960-х гг., уже в брежневские времена, обзывающая идеологема видоизменилась: термин «социалистический лагерь» был заменен аналогом – геостратегической «мировой социалистической системой». Более тесно сплотившиеся вокруг СССР члены

СЭВ и Организации Варшавского договора именовались социалистическим содружеством.

В странах региона в связи с жесткой привязкой к экономическим процессам в СССР чередовались периоды роста промышленного производства и снижения его темпов. Накладывающиеся друг на друга разнонаправленные процессы были осложнены порождаемыми ими противоречиями и трудностями (подробнее см.: Kołodko 1999). Их не удавалось преодолевать ни высокой организованностью населения в ГДР, ни некоторым расширением рыночных отношений в Венгрии и Польше. Они перерастали в латентный кризис и вызвали нарастание негативных тенденций в общественной жизни. В этих странах увеличивалась потребность в оптимизации экономической, политической и социальной жизни. Они страдали от невозможности полноценно воспользоваться благами научно-технической революции.

С середины 1960-х гг. временная стабилизация ритмично чередовалась со стагнацией и развитием кризисных тенденций. Умеренно-охранительные контрреформы времен застоя диктовали замедление темпов экономического роста. В ГДР и Венгрии экстенсивные источники развития экономики к этому времени были исчерпаны. В Чехословакии ВВП почти не увеличивался, а темпы роста промышленности упали с 9 % до 2 %. В Болгарии и Польше процессы индустриализации завершались. В конце 1960-х – начале 1980-х гг. страны региона в рамках понижательной волны четвертого кондратьевского цикла накрыла очередная фаза структурного кризиса. Резче стали проявляться недостатки функционирования административно-командной системы, обнажились пороки жесткой плановой экономики, повышалась несбалансированность отношений внутри СЭВ.

Продолжалось клиширование политических структур «центра», не допускавшее оспаривания «общих закономерностей», принимавшихся в «центре» решений и согласования интересов. Канонический курс постоянно подтверждался решениями съездов и пленумов коммунистических и рабочих партий. По определению работника аппарата ЦК КПСС К. Брутенца, данному в его книге «Несбывшееся: равнодушные заметки о перестройке», повсеместное введение принципов жесткого централизма и иерархии

опережало попытки распространять демократические формы работы, навязывало номенклатурно-келейную, кланово-бюрократическую модель политических отношений. На всех уровнях прочно укоренились методы оргработы периода «большевизации» партий, присущие советской модели партийного строительства (Брутенц 2005: 31, 41). В ГДР, ЧССР и ПНР допускалось существование нескольких партий, но только признававших руководящую роль компартии. Политическое развитие отнюдь не ускорялось: ему однозначно и резко противодействовала парадигма автократической системы. Утвердившаяся в регионе жесткая, статичная политическая система, использовавшая вялые формы политической активизации населения и прибегавшая к его всеобщей идеологической обработке и формальной мобилизации, задерживала развитие политических структур и гражданского общества. Политическая инфраструктура оставалась застойной и не опиралась на сколько-нибудь отлаженные политико-правовые механизмы. Руководство Чехословакии и ГДР пыталось, насколько это было возможно при сохранении административно-командной системы, совершенствовать «реальный социализм», но это не приносило существенных результатов ввиду невозможности создания политических стимулов роста. Не были достаточно определены ни политический статус правящих партий и их права, ни ответственность перед государством, ни формы участия партий в выборах, ни принципы их действий в представительных органах власти. В Чехословакии попытки совершенствования политических отношений предпринимались в 1950-х и были продолжены в 1965 и 1968–1969 гг. В Венгрии же только в 1967 г. в нескольких округах стало возможным выдвигать альтернативные кандидатуры (Задорожник 2006: 184). В те же годы попытки совершенствования политической системы предпринимались также в ГДР и Польше.

У советского руководства возникала проблема удержания контроля над «мировой социалистической системой» и упразднения очагов «смуты» в ней. По складу характера осторожный и осмотрительный Л. И. Брежнев, который воевал в Польше, Венгрии и Чехословакии и поэтому ощущал свою личную причастность к их историческим судьбам, взял на себя миссию «охранителя социализма». По свидетельству А. С. Черняева, «он вряд ли знал, что та-

кое марксизм-ленинизм – разве что в пределах “Краткого курса истории ВКП(б)”. Не уверен, что он когда-либо читал Маркса, а Ленина – максимум по обязательному списку провинциального технического вуза, где он учился в 1930-х гг.». Брежнев, по словам Черняева, предупреждал своих спичрайтеров: «Не делайте из меня теоретика, никто не поверит». Не признавал «всякие эдакие изыски вокруг терминов “развитой социализм”, “развивающийся социализм”, “новое прочтение” Ленина и т. п.», которые «вызывали в нем искреннее презрение», но в итоге смирился с тем, что его стали величать «выдающимся марксистом-ленинцем» (Черняев 2012: 57–58). Брежнев «правил “без намерений”, лишь бы сохранить власть и режим» (Там же: 66), в отличие от склонного к более трезвым оценкам Ю. В. Андропова, который порой мог сказать и такое: «Какой, к черту, развитой социализм! Нам еще до простого социализма пахать и пахать» (цит. по: Брутенц 2005: 51).

Л. И. Брежнев лично руководил подкомиссией по подготовке новой Конституции. В ней содержалась констатация создания в стране основ социализма и строительства «развитого социалистического общества». В странах содружества созревала потребность в освобождении от унифицированных идейно-политических установок и централизованно-бюрократических схем функционирования. За ними как бы оставлялась свобода выбора вариантов оценки своих достижений: «создания предпосылок и основ развитого социализма», «начала» его «развернутого строительства» или строительства «всесторонне развитого социалистического общества». У Брежнева не было стремления связать какой-либо вариант со своим именем. Он ограничивался функцией «охранителя социализма».

Сложные, принимавшие все более кризисный характер процессы в странах социалистического блока требовали осмысления назревавших перемен и уточнения внешнеполитической модели поведения. Поскольку у советского руководства сомнений в правильности внутреннего курса по воплощению в жизнь «закономерностей социалистического строительства», как правило, не возникало, главная причина трудностей усматривалась в подрывной деятельности центров империалистической пропаганды. А это требо-

вало уточнения и повышения эффективности внешнеполитической доктрины.

Организация Варшавского договора (ОВД), образованная в обстановке холодной войны как вынужденная ответная мера на возникновение угрозы безопасности, все определеннее переключалась на организацию защиты системы социализма.

Когда в обычном ритме волнового развития наступила очередь Пражской весны 1968 г., Л. И. Брежнев поначалу не усматривал в ней, в «социализме с человеческим лицом», в экономических реформах и проведении ротации кадров без согласования с Москвой ничего опасного. Он полагался на выросшего в СССР и окончившего партшколу нового лидера партии – сына словацкого коммуниста А. Дубчека. Однако когда был взят курс на создание многопартийной системы, было заявлено о намерении обеспечить полную свободу слова, собраний и передвижений, установить строгий контроль над деятельностью органов безопасности, облегчить возможность организации частных предприятий и снизить государственный контроль над производством, постоянно поступавшие из посольства и представительства КГБ в Праге информационные материалы сформировали оценку «обновления» как не соответствующего идейным установкам и интересам СССР. Брежнев искал политическое решение.

В Прагу не замедлил прибыть главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора И. И. Якубовский и предложил перенести намеченные на сентябрь плановые маневры войск Варшавского договора на территории Чехословакии на июнь. Не встретив понимания, он попросил разрешения организовать небольшие штабные учения, но когда они закончились, 27 тысяч солдат и офицеров выведены не были. События начинали принимать драматический оборот. В содружестве дозрел вариант советского вторжения в Чехословакию, рассматривался вопрос о замене Дубчека. 14–15 июля руководители пяти коммунистических партий направили открытое письмо в адрес ЦК КПЧ, в котором прямо указывалось, что решается вопрос «быть или не быть Чехословакии социалистической», поэтому необходимо ликвидировать все политические партии и клубы, взять под

контроль средства массовой информации и провести чистку партийных рядов (Центральному... 2010: 131).

17 июля Л. И. Брежнев провел пленум ЦК КПСС, на котором был одобрен курс на использование всех возможных политических средств помощи для сохранения и защиты социалистических завоеваний в Чехословакии, прежде чем будут применены «крайние меры». Как известно, А. Дубчек последовательно отстаивал реформаторский курс и даже добился от Брежнева обещания не касаться внутренней ситуации в ЧССР и принятия документа по принципу консенсуса о совместной защите завоеваний социализма с оговоркой о праве каждой страны самой избирать путь к социализму с учетом особенностей своего развития. Но он не пошел на основательные кадровые перестановки и пересмотр курса Пражской весны. В итоге была применена коллективная военная сила стран ОВД «во имя недопущения разрушения коммунистического режима в Чехословакии». Танки вошли в Прагу. Драматизм ситуации, ее развитие хорошо известны. Дубчек временно остался на посту, лелея надежду, что не все потеряно и компромисс с Москвой позволит продолжать прежний курс. Но 17 апреля 1969 г. он вынужден был уйти в отставку. На апрельском пленуме ЦК КПЧ первым секретарем был избран Густав Гусак. В 1970 г. Дубчек был исключен из партии, а ЦК КПЧ принял документ «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ», который осуждал политический и экономический курс А. Дубчека и его окружения (см.: Пихоя 2007: 86–87).

Между тем Пражская весна – общенациональное, бурное обновленческое движение в Чехословакии – была самым зрелым проявлением массового протеста, возникшим по инициативе и под руководством коммунистов и вобравшим в себя опыт прошедших массовых несистемных выступлений.

Брежнев держал под контролем преодоление последствий «пражского кризиса» методом осторожного маневрирования, но при одновременном максимальном политическом давлении. СССР добился кардинальной смены курса и остановки процесса политических и экономических реформ в Чехословакии. Наиболее обоснованной и точной оценкой далеко идущих последствий подавления движения Пражской весны считается высказывание советского

политического деятеля и дипломата В. М. Фалина: «Поражение “пражской весны” остановило десталинизацию в Советском Союзе, во всем сообществе, именовавшем себя социалистическим, и продолжило на два десятилетия существование сталинского по устройству, по разрыву слова и дела, человека и власти режима» (цит. по: Млечин 2018: 182).

Пражская весна была воспринята большинством руководителей стран социалистического содружества как проявление «антисоциалистических» тенденций, не только как угроза социализму советского типа, но и как противопоставление опыту других социалистических стран, а декларирование «полной свободы» – как дезориентирующие массы «ревизионизм» и «правый оппортунизм». Претензии на самостоятельную внешнюю политику считались расшатыванием союза с СССР и другими социалистическими странами.

Но за Чехословакией последовала Польша. Там 1967/1968 учебный год был годом и политических дискуссий, и выхода студентов на улицу, с агитацией и распространением листовок. Марксистские кружки намечали пути реформ. Борьба за право быть оппозицией привела студентов на первый нелегальный митинг, вывела их на путь антисистемной оппозиции. Массовое избиение студентов в Варшаве, которые скандировали: «Вся Польша ждет своего Дубчека!», имело место 8 марта 1968 г. (цит. по: Осека 2008: 179). Студенты варшавского Политехнического института у Центра чехословацкой культуры кричали: «Браво, чехи!» (*Ibid.*: 77, 79). Подобные манифестации проходили и в ряде других крупных польских городов. Студенческое движение выделяло из своей среды студенческие комитеты, ставшие демократической политической школой элит для будущей массовой оппозиции.

Идеологические установки предписывали не искать причину общественно-политических кризисов внутри самой системы, не анализировать причины ее несовершенств, а обвинять в них «агентов империалистического Запада». Поэтому в докладе генсека Л. И. Брежнева на V съезде ПОРП в ноябре 1968 г. была сформулирована «доктрина ограниченного суверенитета» – концепция, получившая с подачи западных политиков название «доктрины Брежнева», хотя сам он никогда и нигде не обозначал свое авторство.

«Доктрина ограниченного суверенитета» базировалась на утверждении, что ввиду появления «слабых звеньев» в цепи социалистического содружества, отступающих от «общих закономерностей социалистического строительства», существует потенциальная угроза реставрации капитализма, покушения на независимость и суверенитет таких стран со стороны международного империализма. А поскольку суверенитет любого социалистического государства является «общим достоянием и заботой» всех социалистических стран, они обязаны сообща отстаивать соблюдение этих «общих закономерностей» и выступать единым фронтом при оказании такой стране «братской помощи». Жестко утверждался принцип их коллективной ответственности. Политика невмешательства определялась как неприемлемая, прямо противоречащая интересам обороны «братских государств».

В докладе Л. И. Брежнева на V съезде ПОРП в ноябре 1968 г. кризисы в ГДР, Венгрии, Польше и Чехословакии объяснялись деструктивными действиями «враждебных социализму сил». По традиции он начал свою речь с пафосного повтора известного положения доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС: «Хорошо известно, что Советский Союз немало сделал для реального укрепления суверенитета, самостоятельности социалистических стран. КПСС всегда выступала за то, чтобы каждая социалистическая страна определяла конкретные формы своего развития по пути социализма с учетом специфики своих национальных условий». Однако далее он переставил акценты таким образом: «Но известно, товарищи, что существуют и общие закономерности социалистического строительства, отступление от которых могло бы повести к отступлению от социализма как такового. И когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом – это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран, и они обязаны выступать единым фронтом при оказании такой стране братской помощи» (V съезд... 1969: 207). Теперь геостратегические установки предписывали «защиту системы социализма» от всякого рода идеологических диверсий, провокаций и контрреволюционных вылазок.

Тем временем наступил «брежневский застой». В 1976–1982 гг. все явственнее было заметно истощение хрущевско-брежневской модели взаимодействия стран СЭВ/ОВД – нарастал ее кризис. Форсированное строительство общества советского типа стимулировало рост недовольства действиями правящей бюрократии и различные проявления протеста. Вызовы повседневности все настойчивее диктовали принципиальное обновление функционирования всех областей общественной жизни. В среде интеллигенции Венгрии и Польши вызревали концепции политических изменений и демократизации политического режима. Известный венгерский политолог И. Бибо в своих научных работах указывал на необходимость «полного разрыва с тоталитаризмом», с «режимом, именуемым диктатурой пролетариата» (Бибо 2004: 265, 271).

Внутренние процессы в мировой социалистической системе стали принимать в той или иной мере конфликтный характер. Противоречия между ее участниками усиливались. Примирения с Китаем не состоялось. Албания, Югославия и Румыния избрали центробежные тенденции развития: Румыния отказалась присоединиться к Варшавскому договору, Югославия оставалась вне его.

Если до 1980-х гг. почти во всех странах региона немногочисленные партийные реформаторы мыслили преобразование общества возможным только в системных рамках, то новое десятилетие открывалось в Польше значительно более масштабными событиями 1980–1981 гг. Впервые в этом регионе несистемная оппозиция в среде интеллигенции использовала в качестве своей базы массовое, многомиллионное протестное движение «Солидарность» уже для борьбы с системой, выдвинув программу обширных обновленческих преобразований. В ОВД это движение было квалифицировано как контрреволюция, смертельная угроза существованию социализма и социалистическому содружеству.

Польша, самая крупная страна Центрально-Восточной Европы, располагая второй после Советской армией ОВД, имела в постялтинском мире особое политическое и военно-стратегическое значение. Превращение этой страны в слабое звено социалистического содружества требовало, по мнению советского руководства, экстренных мер противодействия. Политбюро ЦК КПСС и его Польская комиссия во главе с М. А. Суловым немедленно занялись их выработкой, положив в основу действий установку «Нам нельзя терять Польшу». Это стало поводом для более последовательного

проведения в жизнь «доктрины ограниченного суверенитета» соцстран, «доктрины Брежнева».

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сдержанно относился к практике форсированных действий. Но в широком социально-политическом контексте защиты «социалистического содружества» в руководстве СССР возобладала идеологическая ангажированность. Оно настойчиво пыталось найти выход из чрезвычайно опасного «польского кризиса» начала 1980-х гг., видя возможность только силового его решения – подавления «контрреволюции» польскими силами или «вооруженной рукой» Советского Союза – одного либо, «в случае крайней необходимости», вместе с другими странами ОВД. Их лидеры приглашались в Москву и подключались к давлению на польское руководство. Предлагаемое поляками политическое разрешение ситуации, как правило, отвергалось. По свидетельству К. Н. Брутенца, на этом переломном этапе у советских руководителей отсутствовала продуманная стратегия, поскольку политика в отношении стран социализма «не опиралась ни на понимание ситуации в них, ни на просчитанную прогностическую основу, ни, наконец, на продуманный механизм реализации» (Брутенц 2005: 466). Между тем уже накануне перестройки было вполне очевидно, что в социалистическом содружестве образовалось нагромождение нерешенных проблем и противоречий, что «в наших отношениях со странами Восточной Европы надо многое менять, прежде всего отказаться от мелочной опеки, постоянного и большей частью неквалифицированного вмешательства в их дела» (Там же).

Вынудив-таки поляков ввести в стране 13 декабря 1981 г. военное положение, большинство членов советского руководства ушло из жизни. Но даже после отмены военного положения Москва настоятельно рекомендовала Польше вернуться к «общим закономерностям социалистического строительства».

Как определил в своей последней работе «О скрытых формах изменения социальной природы власти» А. П. Бутенко, политическое развитие стран региона второй половины XX в. было типично для «исторического забегания», происходило изменение социально-классовой природы политической власти и ее целей, власть теряла свой «народный характер», утрачивала приверженность идеалам социализма, переподчиняла цели развития иным задачам и интересам, делала ставку, как оказалось, не на силы прогресса, а на

другие, охранительные общественные силы, опираясь на тандем «партия – государство» (Бутенко 2004: 79–83; см. также: Он же 1995: 110–116).

После похорон К. У. Черненко М. С. Горбачев долго взвешивал варианты взаимодействия с соцстранами и дозировал информацию об изменении стиля отношений с ними. На совещании с руководителями ОВД в марте 1983 г. он, заменив М. А. Суслова на посту главы Польской комиссии, заявил: «...мы за равноправные отношения, уважение суверенитета и независимости каждой страны, взаимовыгодное сотрудничество во всех сферах» (цит. по: Он же 2004: 81–82). И только после апрельского пленума ЦК КПСС 1985 г. А. Н. Яковлев получил задание оповестить всех руководителей социалистических стран об отказе от «доктрины Брежнева».

В мемуарах Горбачев называет примерную дату, когда у него окончательно вызрело решение «раскрыть карты» и перестать тормозить системную трансформацию в социалистическом содружестве, – это март 1985 г. Именно тогда, пишет он, «мы действительно отказались от всякого вмешательства во внутренние дела союзников». В майском выступлении в МИДе он сделал принципиальное заявление: «Отношения с братскими социалистическими странами вступили в новый исторический этап. Это уже полноправное общество, и водить их на помочах нельзя. Отношения должны быть новыми. Максимальное внимание к этим нашим друзьям и их нуждам. А то был разрыв между декларациями о дружбе и подлинным духом отношений. Уважать суверенитет, достоинство союзников, в том числе малых, отказываться от иллюзий, будто мы можем всех учить...» (Горбачев 1995: 371).

После XXVII съезда КПСС, весной 1986 г., в Отделе ЦК (социалистических стран) была составлена и внесена в Политбюро от имени М. С. Горбачева записка, ориентированная на учет реальных интересов соцстран, сужение сферы вмешательства в их дела, отказ от диктата и силового нажима. Предполагалось, что возникнет пояс стабильных дружественных государств, в котором внешнюю политику будут определять прежде всего не идеологические факторы (или не только они), но геополитическое положение, сходные для этих стран интересы безопасности, экономические связи и т. д. На X съезде ПОРП Горбачев подчеркивал, что связи и сотрудничество в политической, экономической, культурной и военной сферах должны крепнуть. 3 июля 1986 г. в Политбюро была обсуждена и

одобрена записка «О некоторых актуальных вопросах сотрудничества», содержащая критическое отношение к тому, что партия судила обо всем сугубо со своих позиций, недостаточно учитывая новизну проблем и специфику «братских стран». Она получила развитие в постановлении КПСС от 29 августа 1986 г., призывавшем изучать реальные потребности этих стран и избегать директивного нажима.

На второй встрече с Р. Рейганом 11–12 октября 1986 г. в Рейкьявике, официально посвященной проблемам разоружения, в конфиденциальной ее части, по свидетельству А. Н. Яковлева (бывшего ее участником) в интервью журналу «Коммерсант», М. С. Горбачев поставил вопрос о превращении Варшавского блока и НАТО в политические организации. Формально это зафиксировано не было, но стало своего рода шагом к прекращению холодной войны и интерпретировалось как «поворотная веха на пути к перестройке», а критиками – как шаг к «односторонней ликвидации социалистического Варшавского блока» и как «развал социалистической системы». Горбачев ощущал эти колебания настроений в партийной среде.

И когда визит в Прагу в 1987 г. возродил в Чехословакии надежды на демократические перемены, М. С. Горбачев далеко не сразу решился объявить о пересмотре прежних оценок Пражской весны. Он хвалил курс Г. Гусака и сделал ставку на М. Якеша, в 1987–1989 гг. генерального секретаря ЦК КПЧ.

Во время различных контактов и встреч высокого уровня 1988 г. подчеркивалось, что времена изменились и отношения между странами содружества нужно строить по-новому. Появлялись новые инициативы в области обмена текущей информацией, сотрудничества в рамках «общего европейского дома» и региональных соглашений, создания сети двусторонних научно-политических институтов, поиска новых форм взаимодействия в рамках Варшавского договора.

Между тем ситуация в «братских странах» оставалась нестабильной. Ее анализ, проведенный руководителем отвечающего за страны социализма Отдела ЦК КПСС Г. Х. Шахназаровым, все еще выводил на существование проблемы действий по «наведению порядка» без введения войск социалистического содружества. Во время посещения Праги Шахназаров сделал В. Гавелу предложение создать двусторонний научный институт (в делегацию вхо-

дил и автор этой статьи). Гавел спросил: заявит ли Горбачев об осуждении подавления Пражской весны, и, не получив положительного ответа, сказался больным и закрыл вопрос репликой: «Зачем все это?»

В августе 1988 – феврале 1989 г. международная и внутренняя ситуация в странах региона дозревала до мирного перехода на путь системной трансформации. По свидетельству А. С. Черняева, М. С. Горбачев все еще рассчитывал, что общая идейно-политическая ориентация позволит сохранить связи в рамках блока (Черняев 2012: 63–65). Москва внимательно анализировала развитие событий в Польше. Для зондирования возможности урегулирования отношений между оппозицией и властью был приглашен представитель оппозиции А. Михник. Круглый стол и проведение «договорных выборов» стали важным элементом в совокупности обстоятельств, которые побудили Горбачева к сотрудничеству с новым польским правительством и отказу от «доктрины Брежнева».

Советское руководство признало объективное наличие порожденных административно-командной системой негативных явлений лишь во второй половине 1980-х гг. По-настоящему переломным в отношении со странами содружества стал 1989 г. Осенью в ЦК КПСС был вынесен на обсуждение долго откладывавшийся вопрос о реальной ситуации в этом регионе. Секретарь ЦК В. Фалин констатировал: «...нельзя сводить все к специфике Польши или Венгрии. В кризисе – послевоенный порядок, нами насажденный... В кризисе – вся система отношений в “социалистическом содружестве”» (Фалин 1999: 438).

Реформирование политической системы СССР при одновременном ухудшении перспектив экономического роста, тяжелый экономический кризис, который переживали Польша, Венгрия и Болгария, политический кризис в Румынии предопределили тот факт, что созданный в 1949 г. Совет экономической взаимопомощи как координирующий и регулирующий механизм мировой социалистической системы в 1989 г. прекратил свое существование. Эта организация была создана прежде всего по политическим мотивам, именно политика и идеология были у истоков объединения ранее мало экономически связанных между собой стран. Для них взаимные связи ранее не являлись ведущим направлением внешнеэкономической деятельности. До 90 % их товарооборота приходилось на страны, находившиеся за пределами формирующегося нового

«экономического пространства». До Второй мировой войны на долю торговли этих стран с Советским Союзом приходилось в среднем чуть более 1 % их суммарного внешнеторгового оборота. Тем самым практически отсутствовала одна из важнейших предпосылок развития экономической интеграции – традиционные длительные глубокие хозяйственные связи стран-партнеров, разделение труда между ними. С другой предпосылкой интеграции дело обстояло так же: хозяйственные механизмы были малосопоставимы. Третья предпосылка тоже отсутствовала: СЭВ объединил страны с различными историческими традициями и менталитетом.

При этом были скопированы советская жесткая централизация, плано-директивное управление внешнеэкономическими связями на основе введения государственной монополии внешней торговли. Отсутствовало и свободное движение капитала, рабочей силы, услуг, естественным процессам торговли препятствовало отсутствие подлинного рынка, несовместимого с централизованной экономикой. Фактически концепция ориентировалась на создание режима коллективной автаркии стран СЭВ. Внешняя торговля в «системе международного социалистического разделения труда» по существу свелась к натуральному обмену. Попыток модернизации СЭВ не было. Прекращение деятельности последнего означало одновременно и прекращение существования мировой социалистической системы.

Двойственность позиции М. С. Горбачева того времени характеризует его официальное письмо от 31 августа 1995 г. в качестве председателя Польской комиссии, приведшего ее к ликвидации, адресованное Комиссии конституционной ответственности Сейма РП, которая рассматривала вопрос об обстоятельствах введения военного положения в Польше. О том же свидетельствуют и воспоминания Войцеха Ярузельского, в то время председателя Совета министров ПНР. В них, в частности, мы можем прочесть: «Советское руководство металось в поисках выхода между двумя одинаково неприемлемыми для него решениями: согласиться с хаосом, охватившим Польшу и влекущим за собой распад всего социалистического лагеря, или отреагировать на события в Польше вооруженной силой... Тем не менее наши войска, танковые колонны вдоль границы с Польшей, а также достаточно сильная Северная группа войск внутри Польши – все это при определенных экстремальных условиях могло быть приведено в действие» (Ярузельский

2008: 115–116). Это важное свидетельство человека, который был в курсе динамики настроений в руководстве страны и сыграл отнюдь не эпизодическую, хотя весьма неоднозначную роль на последних этапах сложного, длившегося несколько десятилетий эксперимента с «мировой социалистической системой» и «социалистическим содружеством».

23 октября 1989 г. министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе сделал официальное заявление о намерении Советского Союза не вмешиваться во внутренние дела других государств, в том числе государств Варшавского договора. Через две недели, 9 ноября 1989 г., пала Берлинская стена, символизируя распад Организации Варшавского договора и отказ от стратегии «ограниченного суверенитета» соседних стран. Холодная война подошла к концу.

Между тем в конце 1960-х гг. мир вновь вступил в фазу структурного кризиса, соответствующую понижательной волне четвертого кондратьевского цикла. Руководители европейских социалистических стран искали более совершенные способы управления, повышения эффективности хозяйствования. Обходя коренные противоречия «реального социализма», они стремились преодолеть их последствия – несоответствие между централизацией управления и повышением его эффективности, между ограничением потребления населения и увеличением производительности, между устремлениями и реальными возможностями. Они искали пути совершенствования отдельных звеньев системы, модернизировали свои установки, что позволяло несколько смягчить противоречия и лишь частично и временно улучшить ситуацию. Однако предпринятые меры по модернизации производства не меняли его основ. Государственно-монополистическая система хозяйствования все более тормозила развитие производительных сил и удовлетворение потребностей населения. Гонка вооружений становилась все более тяжелым бременем для населения. Отставание от других стран Европы достигло двузначных показателей и неуклонно увеличивалось, тормозя переход к следующему этапу научно-технической революции. По уровню потребления даже самые благополучные страны региона не поднимались по всемирной шкале выше пятого десятка. В некоторых из них шло более быстрое исчерпание ресурсов хрущевско-брежневской модели «реального социализма». Бы-

лой потенциал ее идеологом иссякал, имидж «светлой альтернативы империалистическому Западу» поддерживался со все большим трудом. Стихийное массовое сопротивление превращалось в народные выступления за удовлетворение непосредственных потребностей, за восстановление прав и свобод, против ущемления общественных интересов.

Литература

Бибо, И. 2004. Конспект. Октябрь 1956 года. В: Бибо, И., *О смысле европейского развития и другие работы*. М.: Три квадрата. С. 263–284.

Брутенц, К. Н. 2005. *Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке*. М.: Международные отношения. 653 с.

Бутенко, А. П.

1995. *От тоталитаризма к демократии*. М.: ИМЭПИ РАН. 31 с.

2004. *О скрытых формах изменения социальной природы власти*. М.: ИМЭПИ РАН, ИД «Парад». 129 с.

Задорожник, Э. Г. (отв. ред.). 2006. *Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX в.* М.: Наука. 442 с.

Гомулка, В. 1956. *Речь на VIII пленуме ЦК ПОРП 20 октября 1956 г.* Варшава. 48 с.

Горбачев, М. С. 1995. *Жизнь и реформы*: в 2 кн. Кн. 2. М.: Новости. 656 с.

Декларация Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами. 30 октября 1956 г. 1981. В: Громько, А. А., Пономарев, Б. Н. (отв. ред.), *История внешней политики СССР*: в 2 т. 4-е изд. Т. 2. М.: Наука. С. 679–680.

Млечин, Л. М. 2016. *Андропов*. М.: Пальмира. 608 с.

Молотов, В. М. 1939. Доклад о внешней политике Правительства. *Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября – 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет*. Издание Верховного Совета СССР. С. 7–24. URL: <http://doc20vek.ru/node/1397> (дата обращения: 26.03.2020).

Пантин, В. И., Лапкин, В. В. 2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI в.* Дубна: Феникс+. 448 с.

Пихоя, Р. Г. 2007. *Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005.* М.: Русь-Олимп, Астрель, АСТ. 546 с.

Фалин, В. М. 1999. *Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания.* М.: Центрполиграф. 438 с.

Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. 2000. Т. 1. Становление «реального социализма». 1945–1965. М.: Наука.

Центральному Комитету Коммунистической партии Чехословакии. 2010. *Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС.* М.: РОССПЭН. С. 131.

Чередникова, А. Ю. 2016. Операция «Вихрь». Венгрия, 1956 г. *Военно-исторический журнал* 11: 30–35.

Черняев, А. С. 2012. Двойной портрет: Брежнев – Горбачев (II). *Полития* 3: 46–66.

Ярузельский, В. 2008. Можно ли было избежать введения военного положения в Польше в 1981 г.? *Новая и новейшая история* 4: 100–121.

V съезд Польской объединенной рабочей партии. 11–16 ноября 1968 г. Основные материалы и документы. 1969. М.: Политиздат.

Kołodko, G. W. 1999. *Od szoku do terapii. Ekonomia i polityka transformacji.* Warszawa. 604 s.

Osęka, P. 2008. *Marzec '68.* Kraków: Wydawnictwo Znak. 314 s.